

Когда смотришь фильм «МАЙЯ ПЛИСЕЦКАЯ»

ОДНО ТО, что билеты на фильм «Майя Плисецкая», более двух недель демонстрирующийся на московских экранах, надо купить заблаговременно, говорит о большом интересе зрителей к творчеству этой балерины и к искусству балета в целом.

Когда смотришь фильм (режиссер-постановщик — В. Катанян, оператор — А. Хавчин, автор сценария — В. Комиссаржевский), прежде всего испытываешь чувство благодарности к его авторам за то, что «прекрасное мгновение» танцев М. Плисецкой как бы протянулось во времени и запечатлелось навсегда. Вместе с тем фильм не оставляет чувства прощания с живым человеком (как иногда бывает с фильмами о мастерах), потому что живая Майя с ее непосредственностью и все возрастающей мудростью мастерства, дающегося только многими годами работы, — танцует, ее можно увидеть на сцене в новых и старых ролях.

Много дифирамбов пелось в адрес М. Плисецкой, и трудно найти какие-то свежие и новые слова, чтобы определить всю значимость ее творчества.

Мне думается, что главное, притягивающее начало таланта Майи Плисецкой заключается в широте и смелости ее души, получившей выражение в размахе и масштабе движений, а также в утверждении права своих героинь на яркость личности и жизнеутверждающую любовь.

Откровенность и доверие, с которыми Майя Плисецкая обращается к зрителям, разрушают преграды между сценой и залом, снимают условности театра. На сцене Майя — всегда человек, а вся балетная премудрость, начиная со школы, поисков стиля роли, техники является для нее как бы естественной, органичной сферой. Этот редкий дар — чувствовать себя свободной в «оковах» условного — дает только избранным. В этом смысле М. Плисецкая как бы приняла эстафету от знаменитой балерины нашего времени Марины Тимофеевны Семеновой, которую нельзя забыть (несмотря на то, что о ней, к сожалению, не создано ни одного фильма).

Страшно подумать о том, как мы иной раз легкомысленно относимся к невозвратимым ценностям. И испытываешь особую радость от того, что творчество Майи Плисецкой уже навеки запечатлено авторами фильма и к тому же с большой любовью.

Хочется отметить лучшие кадры и наиболее удачно станцованные фрагменты. Чистотой формы веет от Авроры в «Спящей красавице». В ее танцах все — пропорция, движения — как бы подчинены золотому сечению, и думается, что во многом Майе Плисецкой помогла здесь репетирующая с ней Марина Тимофеевна Семенова, которая сумела, без ущерба для индивидуальности, как бы «укротить» буйство линий танцовщицы и тонкой отделкой привести их к новой прекрасной гармонии.

Рядом со «Спящей красавицей» прекрасно станцovan «Дон Ки-

хот». Все в ее Китри излучает веселье и кипучий темперамент. Очень интересен плач Фригии над телом Спартакa из балета «Спартак». В этих кадрах еще раз убеждаешься в безмерной выразительности человеческого тела как в танцах, так и в музыкальной пантомиме.

Понравились мне фрагменты из «Ромео и Джульетты» (особенно первый), где М. Плисецкая кажется сошедшей с полотен эпохи Возрождения. Ее облик и волнующиеся линии прекрасно вписываются в декорации художника П. Вильямса. Мысль об «оптимистической трагедии», как иногда называют пьесу «Ромео и Джульетта», последовательно проводится балериной.

Тема «Труд актрисы» подана авторами фильма с чувством такта. Но сами съемки могли бы быть интереснее. Где-то, может быть, надо было показать и такой момент работы, когда у балерины что-то не получается.

В нескольких кадрах М. Плисецкая хорошо и убедительно говорит и показывает движения рук. Как бы борясь с невидимым противником, она отстаивает свое право на индивидуальность, конкретно демонстрируя, в чем эта индивидуальность находит свое выражение. Эта тема очень актуальна, потому что подчас можно видеть, как недостатки школы (выражающиеся чаще всего в неправильной работе ног) принимаются за индивидуальность, тогда как индивидуальность прежде всего выражается в корпусе, руках и неповторимом чувстве танца.

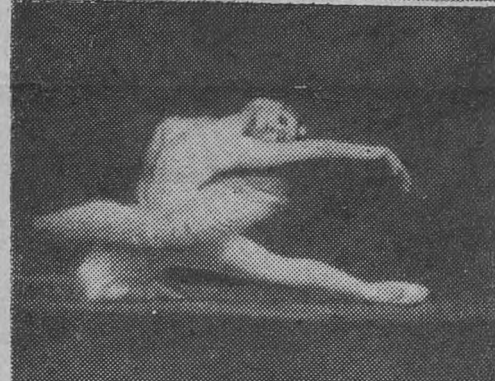
Однако съемки здесь могли бы быть и по свету, и по построению беседы более живыми; но и в тех кадрах, которые мы видим, Майя подкупающе проста, в ее мироощущении ясно чувствуются черты советской балерины.

В смене ролей, их разнообразии, мне думается, — залог свежести творчества М. Плисецкой. С моей точки зрения, и в этом я убежден, каждому талантливому человеку надо пробовать свои силы в разных ролях: пусть что-то будет лучше, что-то хуже, иначе рост артиста очень труден и могут появиться штампы. Русская исполнительская традиция со времен балерин Е. Санковской и Е. Андриановой, позднее — А. Павловой, Т. Карсавиной и Е. Гельцер заключается именно в искусстве перевоплощения.

Фильм в целом — это фейерверк ярких танцев, которые подобно горной реке, бушующей и мятущейся, приходят в лоно царственно прекрасного покоя движений «Умиряющего лебедя». И как и в старину, Лебедь покоряет людей своей вечной красотой и философией жизни и смерти.

Отрадно констатировать, что лед тронулся, и мы надеемся, что после фильмов о Галине Улановой и Майе Плисецкой фильмы о мастерах балета станут хорошей традицией нашего советского кино.

М. БОГОЛЮБСКАЯ,
заслуженная артистка РСФСР.

Кадры из фильма «Майя Плисецкая».

Сов. артист, 1965, 26 марта